

В эту ночь Ци Гу снова остался ночевать у Линь Ханьчжи.

Первый раз непривычно, второй — уже проще. В подростковые бунтарские годы Ци Гу так и не довелось испытать упрямое желание заночевать у друзей, зато спустя несколько лет после окончания университета он наконец наверстал упущенное.

Правда, теперь старик всё равно уже не мог следить, где он ночует и возвращается ли домой.

Ци Гу поселился в том же гостевом номере, где жил прежде. Там было всё необходимое, а мебель и домашняя утварь сплошь принадлежали люксовым брендам: дорогие, мягкие вещи, каждая из которых могла стоить месячной чистой прибыли храма Фуай.

Вечером, устроив Му Синчэню внезапную проверку пройденного, Ци Гу немного посидел на балконе, но сон так и не пришёл. Подумав, он решил пойти досаждать Линь Ханьчжи по соседству.

Пройдя по крытой галерее, по обе стороны которой висели фонари, Ци Гу постучал в дверь Линь Ханьчжи.

— Что случилось? — голос Линь Ханьчжи неожиданно раздался у него за спиной. От него тянуло фруктовым ароматом. И голос звучал немного странно: говорил он медленнее обычного.

— Ты откуда...

— Только что искал кое-что на первом этаже, — объяснил Линь Ханьчжи. — Ты меня зачем-то искал?

— Да ничего. Просто не спится, хотел немного с тобой посидеть. Если ты устал, тогда не надо.

В средней и старшей школе Ци Гу немало завидовал одноклассникам. У них были друзья: можно было вместе ходить в школу и обратно, а можно было ночью болтать при свете лампы до самого утра, вовсе не ложиться, а на следующий день прийти в школу с огромными синяками под глазами и получить нагоняй от учителя.

Человек не дерево и не трава — одиночество всё равно приходит. А в те годы учитель был занят и постоянно странствовал по свету.

Поэтому самого обычного счастья у Ци Гу никогда не было.

Линь Ханьчжи ввёл пароль, открыл дверь и жестом предложил ему войти. В комнате всё было как прежде: лёгкий запах мяты делал её прохладной и холодноватой — чем-то похожей на

самого Линь Ханьчжи, когда тот не улыбался.

Но сегодня к нему примешивался ещё сладкий аромат перебродивших ягод и запах алкоголя.

Ци Гу не придавал этому значения, решив, что это какие-нибудь благовония или ароматизатор.

— Есть во что поиграть? Что вы вообще делаете, когда ночуете у друзей?

— В игры играем?

Ци Гу тут же отказался. Днём его и так таскали по игре, где он умирал всю вторую половину дня. На ночь хватит.

— Тогда просто поболтаем? Посплетничаем о людях, которые нам не нравятся? — предложил Линь Ханьчжи. — Говорят, совместно ругать неприятных людей — самый простой способ быстро сблизиться.

Ци Гу: «...»

Что это за сомнительный совет вообще?

Но из лёгкого любопытства он всё же спросил:

— И кого ты ненавидишь больше всего?

Линь Ханьчжи указал на себя:

— Вот этого.

Ци Гу застыл. Едва появившаяся на губах улыбка мгновенно исчезла, словно неудачник только что вышел из тёплого кафе, ещё храня на себе его тепло, и тут же получил в лицо ледяным зимним ветром.

Линь Ханьчжи не шутил — Ци Гу это чувствовал. В словах и поведении этого человека и прежде порой проступало скрытое отвращение к жизни.

— Почему ты ненавидишь себя? — спросил Ци Гу.

— Потому что недостаточно смелый, недостаточно сильный, слишком мало на себя беру и вечно делаю бесполезные вещи? — небрежно ответил Линь Ханьчжи, судя себя с беспощадной

строгостью.

— Но такие недостатки есть у всех. Если требовать от себя настолько многого, ты не устанешь?

На самом деле Ци Гу даже не понимал, о чём конкретно говорит Линь Ханьчжи. По его мнению, в основе характера того вообще лежала лень.

— Ещё один повод себя ненавидеть, — Линь Ханьчжи ткнул пальцем себе в нос. — Я ещё и самонадеянный. Считаю, что обязан всё делать хорошо и обязан всё на себя брать.

Настолько детский жест в сочетании с этой откровенной софистикой наконец заставил Ци Гу насторожиться. Он наклонился ближе и принялся у губ Линь Ханьчжи — оттуда явственно тянуло фруктовым вином.

Так он, оказывается, напился. И даже пьяный всё равно бледный. Есть вообще что-то, от чего он краснеет?

Стоило Ци Гу так подумать, как он собственными глазами увидел, как Линь Ханьчжи распахнул глаза, а затем розовый оттенок, поднявшийся от самых ушей, постепенно залил всё лицо.

Ци Гу: «...»

Это алкоголь так внезапно в голову ударил?

— Зачем столько выпил? — нахмурился Ци Гу и схватил Линь Ханьчжи за воротник, намереваясь сначала заставить его привести себя в порядок, а потом уложить спать. Кто вообще станет вести ночные задумчивые беседы с пьяницей?

Но пьяница не унимался:

— Да! Я ужасный! Я ещё и алкоголик!

Голос по-прежнему был низким, зато слова — до смерти детскими. Ци Гу вполне обоснованно подозревал: если сейчас снять это на видео, то утром Линь Ханьчжи от стыда сможет сразу утопиться в реке.

— Хватит буянить. Я попрошу дворецкого принести тебе что-нибудь от похмелья, потом отведу умыться, а после будешь нормально спать, — беспомощно сказал Ци Гу.

По дороге домой всё было нормально. С чего вдруг этот человек, вернувшись, напился? Что его

так задело?

Ци Гу позвонил по внутренней связи и объяснил дворецкому ситуацию. Вскоре тот принёс отрезвляющий отвар.

Услышав звонок, Ци Гу хотел открыть дверь, но Линь Ханьчжи ни за что его не отпускал: приклеился к нему, будто жвачка высшей степени липкости, которую никак не отдерёшь. Ци Гу ничего не оставалось, кроме как с бесстрастным лицом идти к двери прямо так.

Однако дворецкий за дверью выглядел ещё бесстрастнее.

— Это отрезвляющий отвар. Господину Ци придётся побеспокоиться и присмотреть за господином. Если что-то понадобится, зовите меня.

— Не за что, — ответил Ци Гу.

И тут прилипший Линь Ханьчжи властно зажал ему рот широкой ладонью, пахнущей мятой.

Линь Ханьчжи захлопнул дверь, отпустил Ци Гу и возмущённо заявил:

— Ну как ты так можешь? Ты же сказал, что мы будем разговаривать всю ночь. Зачем ты разговариваешь с другими?

Ци Гу: «...»

Прекрасно. Теперь ещё и виноватым его сделал.

— Зачем ты столько выпил? — снова спросил Ци Гу.

— Разве не говорят: напейся — и забудешь тысячу печалей? Я решил проверить, — Линь Ханьчжи стоял, пошатываясь, будто одновременно и был пьян, и не был. В его словах не прослеживалось никакой логики, а о конкретной причине он не сказал ни слова. — Врут! Всё врут! Мне всё равно так грустно! А ты ещё и с другими разговариваешь!

На середине вполне серьёзной фразы он снова переключился на обвинения Ци Гу в непостоянстве.

Ци Гу и представить не мог, что Линь Ханьчжи после алкоголя становится таким — капризным, властным и трудным, словно избалованный ребёнок.

Да, трезвым он тоже любил липнуть, но хотя бы признавал какие-то доводы.

С пьяным же спорить невозможно. Пьяный способен творить что угодно без оглядки.

Ци Гу поставил перед Линь Ханьчжи отрезвляющий отвар и холодным тоном приказал:

— Выпей.

Линь Ханьчжи тупо привалился к стулу и начал медленно сползать вниз, словно одеяло.

Ци Гу не удержался и рассмеялся.

Линь Ханьчжи будто только этого и ждал. Он внезапно вскочил, прижал Ци Гу к спинке стула и бессвязно спросил:

— Я ведь не совсем бесполезный, да? Я хотя бы могу тебя рассмешить?

Возможно, из-за выпитого дыхание Линь Ханьчжи стало заметно горячее обычного. Когда оно касалось шеи Ци Гу, по коже легко пробегали мурашки.

Слишком жарко, — бесстрастно подумал Ци Гу.

А вслух предупредил:

— Не говори так. Ещё раз станешь ругать моего друга — я разозлюсь.

От этого предупреждения Линь Ханьчжи неожиданно пришёл в полный восторг. На печальном лице появилась улыбка; он послушно взял чашу и залпом выпил весь отвар.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949104>